

Персона

Сергей Скуратов: «Мне показалось, что у Хуснуллина очень мало сомнений, но для его должности они просто необходимы»

14.01.2014

Российским городам не хватает урбанистов, которые могли бы помочь правильно развивать территории. А сейчас, когда возникла необходимость преодоления градостроительного кризиса в ситуации быстрого развития городов, вдруг стало понятно, что специалистов попросту нет. Между тем необходимо срочно решать множество проблем, например, гигантских спальных районов. По мнению известного московского архитектора, автора экстравагантного «Дома на Мосфильмовской» Сергея Скуратова, пришло время строить здания, в которых не просто можно, но и приятно жить. В интервью с «БИЗНЕС Online» он поделился своими впечатлениями от общения с миллиардером, основателем «Дон-Строя» Максимом Блажко, с Маратом Хуснуллиным, а также рассказал о новых и старых трендах в градостроительстве.

Сергей Скуратов: «Город как модель человеческого организма тоже должен развиваться правильно»

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ — ШТАБ-КВАРТИРА «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»

Крупный татарстанский застройщик «Ак Барс Девелопмент» в конце минувшего года пригласил в Казань одного из известных столичных архитекторов — **Сергея Скуратова**. Он подготовит для девелоперской компании проект концепции развития территории жилого района «Седьмое небо». В Казани гость встретился со студентами, осмотрел будущую строительную площадку и достопримечательности и дал старт еще одному проекту АБД — «Архитектурный завтрак». В компании обещают, что периодически в столицу Татарстана будут привозить не только российских, но международных знаковых специалистов в архитектуре, урбанистике и градостроительстве. В рамках проекта «Архитектурный завтрак» гости будут делиться впечатлениями о городе, рассказывать о новых мировых тенденциях и трендах, а также давать свои рецепты развития.

— Вас относят к пятерке лучших московских архитекторов и считают одним из самых успешных и дорогих столичных зодчих. Что для вас архитектура?

— Про «лучших» — это не ко мне. Еще я бы отклонил ваше заявления о самом дорогом — в Москве есть более «дорогие» архитекторы. Да и стоимость услуг никогда не была критерием успешности. Я много что построил в Москве, но мне кажется, что количество построенных объектов не является критерием успеха и уж точно не синонимом качества архитектуры.

Архитектура для меня — это жизнь, это то, что я делаю. В первую очередь это то, в чем я лучше всего разбираюсь, что могу обсуждать 24 часа в сутки.

— Вы выросли в семье военного летчика. Ваша мама, кстати, родилась в Казани. Расскажите немного о себе, как вы стали архитектором?

— В этой истории нет ничего необычного: параллельно со средней школой я учился в художественной школе. Это было predetermined с детства родителями: я должен был стать либо художником, либо скульптором, либо архитектором. В 10 классе стало ясно, что я буду заниматься архитектурой. Дальше был архитектурный институт, и потом вся жизнь. Вероятно, тут надо сказать о значении такого аспекта жизни, который делает человека — человеком, архитектора — архитектором, — это удивительное стечение событий, обстоятельств. Мне очень повезло с окружением: я учился с очень умными, талантливыми людьми. Я сформировался как архитектор и человек в окружении очень интересных и творчески одаренных людей — коллег и учителей.

Внешние обстоятельства жизни на самом деле были достаточно жесткими. Начиная с 1980-го года, после Олимпиады, в стране ничего не строилось, был абсолютный застой. И десятки проектов, которые мы делали в то время, конкурсы, в которых участвовали, — это все была бумага и тренировка.

— Вы помните свой первый проект?

— Конечно, помню. В 1980-ом году Павел Гусев, сейчас главный редактор «Московского комсомольца», а тогда один из руководителей московского комсомола, позвал меня и двух моих коллег строить «Дом молодежи Красной Пресни». И мы его построили своими силами и силами добровольцев. Это был первый опыт реализации, это было очень интересно и профессионально очень важно. От чертежей, рисунков мы перешли непосредственно к строительству. Это позволило посмотреть на собственное дело другими глазами. Позднее этот клуб стал штаб-квартирой известной телепередачи «Что? Где? Когда?».

Сергей Скуратов и Дмитрий Пузырев осматривают место будущей застройки в районе «Седьмое небо»

«БЕЗ КОМПРОМИССОВ НЕ БЫВАЕТ СТРОИТЕЛЬСТВА И ВООБЩЕ НИКАКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

— Тяжело было молодому архитектору в советское время получить право проектировать самостоятельно?

— Мне трудно ответить, потому что в советское время я работал в очень хорошей мастерской Марка Бубнова в ЦНИИЭП им. Мезенцева. После института я попал к нему по распределению. И с ним, большим мэтром, я проектировал пансионат в Ялте. Мне сразу доверили небольшую, но достаточно важную часть работы. Это шло вразрез со всей принятой тогда традицией. Диплом у меня, кстати, был тоже не вполне обычный. Повезло дважды: у меня было сразу два дипломных руководителя — Андрей Меерсон и Илья Чернявский. Оба очень известные тогда мастера архитектуры. На дипломе я проектировал туристический комплекс для одного из черноморских курортов. Этот опыт очень пригодился мне в работе. Конечно, никто мне не доверил основное здание, я занимался лишь ландшафтом, пляжными пространствами. Но это тогда было не важно. Важным было то, что, во время работы над реальным проектом я впервые ощутил магию созидания.

В середине 1980-х я попал в удивительную компанию. Меня жизнь свела с замечательным человеком — Александром Лариным, которого я считаю своим настоящим учителем. Мы проработали вместе 7 лет, выиграли много конкурсов, сделали много проектов. Интенсивная совместная работа все глубже затягивала меня в профессиональную жизнь. Одновременно это был и последний в моей жизни период ученичества. Но рано или поздно это должно было закончиться. В 1991 году я понял, что могу работать один. Началась самостоятельная жизнь.

— С 1991 года у вас было много работы, и в это время появляется новый тип заказчика — частный. Какой стиль общения с заказчиками вы выбираете? Пресса называет вас несговорчивым архитектором...

— Готовность к диалогу, к обсуждению — важнейшая составляющая нашей профессии. На каждом объекте сходятся много разных интересов, иногда взаимоисключающих. Каждый новый проект, а тем более комплекс зданий, пополняет профессиональный запас решений, обогащает опыт. На Остоженке у меня построено всего три жилых комплекса, каждый из которых состоит, в свою очередь, из нескольких отдельных зданий. Это была очень не простая среда, центр старого города, и мы с заказчиком и с коллегами не жалели времени на поиски правильных, уместных подходов. Хотя проектов было сделано гораздо больше. Были еще проекты на Пречистенской набережной, был проект очень необычной подземной виллы. Было еще здание на пересечении Остоженки и Пречистенки. По стечению обстоятельств они не были реализованы.

Что касается компромиссов, то без них не бывает строительства и вообще никакой коллективной деятельности. Это неизбежное пересечение интересов архитектора, строителя и заказчика. В таких вопросах всегда находится золотая середина, которая позволяет сформировать диалог. Чем ближе интересы и цели, характеры, воспитание и тип людей, тем, естественно, компромиссов меньше, и необходимость компромиссов меньше.

Не помню ни одного случая, когда кто-то что-то придумал, и в ходе обсуждения был выбран вариант вопреки нашей общей воле. Но то, что приходилось многократно перерабатывать, делать все более интересные, точные варианты — это правда.

«Дом на Мосфильмовской» Сергея Скуратова

«ДОН-СТРОЮ» НУЖЕН БЫЛ ЖИЛОЙ НЕБОСКРЕБ ЕВРОПЕЙСКОГО ФОРМАТА

— Какие ценности должен исповедовать заказчик, чтобы ваше с ним видение в архитектуре совпало?

— Помню опыт работы с Максимом Блажко, совладельцем холдинга «Дон-Строй» по «Дому на Мосфильмовской». Этот тот случай, когда совпали амбиции, но разница во взглядах преодолевалась очень нелегко.

Все здания, которые я строил до этого момента, находились в каких-то переулках. Их мало кто видел, кто-то вообще не видел. Есть такой момент, когда хочется предъявить что-то городу. Ситуация, продиктованная взрослением и профессиональным самоутверждением.

Для Максима Блажко и его компании в тот момент было важно получить абсолютно новый продукт — жилой небоскреб европейского формата. К тому времени он много где побывал и пожил — и в Европе, и в Америке, и хорошо себе представлял функциональный уровень проекта. В этом вопросе у нас был диалог. Архитектура дома, его градостроительная составляющая, образ и идеология формообразования, конструкция и сложная облицовка — делались мною почти в режиме монолога и презентации. Он, вероятно, сознательно несколько отстранился от проекта и с интересом наблюдал за мной со стороны. Изучал и впитывал новые для себя идеи. На этапе проектирования наше сотрудничество было продуманным и продуктивным. Для нас обоих это был очень позитивный опыт.

— А как вышли на Блажко?

— Нас познакомил главный тогда архитектор Москвы Александр Кузьмин. Наша встреча с Блажко произошла по его инициативе. Владелец «Дон-Строя» хотел выйти на другой, на новый уровень, но у него это никак не получалось, потому что он все время работал с одним и тем же архитектором. Он строил в стиле

сталинской архитектуры. Он это понимал, любил. Кузьмин прекрасно понимал, насколько важно для крупного и успешного девелопера разбираться в современной архитектуре.

Мне тогда не нравилось все, что строил «Дон-Строй». Поэтому при первой встрече я сказал, что мне неинтересно этим заниматься, на что он ответил, что ему уже тоже. Максим — одаренный и азартный человек. Он сразу почувствовал уровень моих амбиций, понял, как нам надо общаться и дал мне шанс проявить себя. Он отстранился и с любопытством смотрел за развитием процесса. Он говорил, что хочет, чтобы я спроектировал не просто современный дом, а то, что еще никто и никогда не делал не то что в России, а даже в мире. Я сказал ему, что это может быть дорогое строительство, но его это не испугало. Ему стало важно построить по-настоящему современное здание.

Было рассмотрено очень много вариантов. Первая версия была очень трудоемкой и затратной. Это был полуповёрнутый дом. Я называл его «недокрут». Меня давно интересовали темы полуповёрнутого фасада, потому что дом для меня — это всегда живой организм. Спустя какое-то время я увидел в интернете фотографию небоскреба, построенного в шведском городе Мальмо известным архитектором Сантьяго Калатравой. Он построил очень красивый, но, к сожалению, близкий по формообразованию «закрученный» дом. Я пришел к Максиму Блажке и сказал, что нужно менять проект, иначе нас обвинят в плагиате.

Я перерисовал весь дом, в нем появились простые наклонные линии, 55 колонн в основании, диагонали на фасадах. Высота дома изменилась — были тщательно передуманы и перерисованы пропорции. Решение стало проще и элегантнее.

Сергей Скуратов и Дмитрий Пузырев намерены работать вплотную

«В КАЗАНИ, МНЕ КАЖЕТСЯ, НЕ НУЖНЫ НЕБОСКРЕБЫ»

— Все ли удалось воплотить без потерь?

— Да, какие-то вещи были реализованы немного по-другому, без этого не бывает. Просто потому что заказчик — человек, имеющий власть принимать самостоятельные решения. Например, цвет фасада башни. У самого основания цвет дома должен был быть темным, как цвет наклонных бетонных колонн, а ближе к верхним этажам он должен был стать все светлее и светлее. Это была абсолютно понятная и очевидная пластическая легенда — образ айсберга, который, возникая из глубин, становился к небу все светлее. Он как бы всегда ловил солнце. Но заказчик своей волей отказался от моего варианта. В результате дом стал светлее и обычнее. Я долго не мог успокоиться, очень переживал. Проверить, чье решение уместнее, сейчас уже невозможно. Да и не очень нужно. В целом, результатом я доволен, знаю, что и заказчик, особенно сейчас, после получения диплома Emporis, гордится этой работой.

— А есть ли место в региональных центрах для небоскребов?

— Небоскребы — это мощный жест, акт воли, если хотите. Акт, продиктованный идеей прогресса, когда общество достигает высокой степени технического и финансового развития, и важной целью становится демонстрация своей уникальности, достижений. И власти над природой в том числе. В природе же нет небоскребов, но есть горы, скалы, которые невозможно повторить. Эмоционально небоскребы — это амбиция в чистом виде. Когда появляются небоскребы, значит, в обществе появляются свободные деньги, потому что с точки зрения технологий — это сложно. Это технология целесообразности, устойчивости и безопасности. Эта технология создания чистой и выразительной формы. Технология вызова природе, ее законам и стихии. Ну, и подняться наверх, чтобы смотреть на то, что внизу, под тобой — всегда было мечтой человечества. Это, безусловно, момент самоутверждения.

С урбанистической точки зрения небоскребы — вертикальная доминанта, ориентир. Всегда ли надо самоутверждаться с помощью небоскребов — это уже другой вопрос. Мне кажется, что небоскребы могут появиться тогда, когда решены другие проблемы, гораздо более важные для жизни, общества, среды. Когда есть серьезные проблемы с экологией, качеством жизни или еще с чем-то важным и первостепенным, мне кажется, строить небоскребы немного безнравственно. Они появились на земле в определенный исторический момент, и в тех местах, где их появление было продиктовано соединением множеством определенных факторов. Во всех других местах они являются подражанием, попыткой поймать «перо жар-птицы и примерить его себе на шапку».

Например, в Казани, мне кажется, не нужны небоскребы. Казань имеет свои интересные и уникальные архитектурные и градостроительные достоинства. А то, что строительство небоскребов охватило всю Россию, — это какая-то модная болезнь, как прыщи на лице подростка, следствие неправильного и неравномерного роста. Чем быстрее это пройдет, тем лучше. С другой стороны, я как архитектор не могу не отметить, что небоскреб — это всегда вызов, квинтэссенция, аккумуляция чего-то самого передового в том, что есть в стране или городе. Конечно, когда в регионе есть желание построить, есть деньги, есть необходимая гуманитарная атмосфера, то с профессиональной точки зрения можно найти такое решение, которое соединит потребности и амбиции с возможностями того или иного пространства. Поэтому небоскребы бывают разные: невысокие, высокие и очень высокие.

«БОЛЬШОЙ ГОРОД — ВСЕГДА ПЕРЕНАПРЯЖЕННЫЙ ОРГАНИЗМ, БЫСТРОТА И ЛЕГКОСТЬ РЕШЕНИЙ БЫВАЕТ ОПАСНА»

— Вы впервые в Казани. Как вам город?

— Мне Казань очень понравилась. За те несколько часов, которые у меня были для знакомства с городом, мне показалось, что это очень красивый, рельефный город. Красивые здания, замечательный ландшафт. Соединение Волги, Казанки, Кремлевского холма уникально. Географически город очень интересен. Я понимаю, что такая картина бывает обманчивой, и то, что внешне приведено в порядок, не всегда предполагает, что и внутри дела обстоят так же. Но все сделано обстоятельно, во всяком случае, мне так показалось. Тем не менее для жителей очень важно состояние городской среды. Возможно, это позитивные изменения последних лет в связи с проведением Универсиады, но поводы неважны — важен результат. То немногое, что я увидел в Казани, меня чрезвычайно порадовало. Захотелось что-то хорошее сделать для этого города. Моя мама родилась здесь, для меня это символично.

— Чего не хватает в Казани? Очень долго у нас жаловались на отсутствие набережных.

— Непростой для меня вопрос. Я могу сказать, чего не хватает всем российским городам. Не хватает объединения профессионализма и государственной воли, которая позволила бы развивать город. Не хватает урбанистов. Это проблема роста, развития, проблема выхода из кризиса, который был у нас в 1970 - 1980-е годы. В те годы большое количество профессионалов ушли из профессии из-за развала Союза, работы не было. В моем поколении 50 - 60 процентов просто ушли из профессии. Очень жаль, поскольку многие из этих замечательных людей, окончивших институт, имевших очень небольшую практику, так и не стали архитекторами.

В России сейчас очень мало своих урбанистов, потому что долгие годы они не были востребованы. Сейчас, когда возникла необходимость преодоления градостроительного кризиса в ситуации быстрого развития городов, мы поскребли по сусекам и вдруг поняли, что специалистов нет. Странно, не правда ли! Естественно, в этой ситуации прибегаем к иностранному опыту, потому что развиваться-то надо. И надо

понимать, что приезжающие к нам варяги, как бы хорошо они ни были подготовлены, заинтересованы в этой работе, они все равно из другого мира, других профессиональных условий.

Нам, конечно, надо развивать свои профессиональные институты, организовывать собственные конкурсы, приглашать практиков, в том числе иностранных, для преподавания в школах, институтах. Тогда мы будем постепенно решать все свои проблемы, залатывать дыры, правильно развиваться. Чтобы делать что-то хорошо, надо начинать этому учиться. Хорошо, что мы сейчас можем открыто говорить о своих проблемах. Был долгий и сложный период жизни нашей страны, когда мы не могли даже говорить о наших проблемах без ущерба для собственной жизни. Но вот чем, например, отличается ситуация сегодня от ситуации 20-летней давности? Сейчас руководство республики, города, страны, бизнес и профессиональные элиты — все почувствовали необходимость развивать город не только в интересах кого-то, но и в интересах всех. Состояние общества — это состояние всех слоев общества. Город как модель человеческого организма тоже должен развиваться правильно. Для правильного развития нужна консолидация усилий. Сейчас, мне кажется, совпали все эти моменты — осознание, возможности, желания. И сейчас тот самый момент, когда профессионалы могут быть поняты теми людьми, которые принимают решения. Это власть, которая понимает необходимость развития, понимает невозможность развития без серьезных идей, без специалистов.

— Вы упомянули такой тренд, как общественные пространства — набережные, велодорожки, парки. В одном из интервью вы сказали, что это больше похоже на пиар. Все-таки это тенденция или нет?

— Когда я говорил про пиар, то имел в виду характер и направленность определенных действий, которые не требуют больших интеллектуальных усилий и финансовых затрат, но дают максимальный и быстрый общественный резонанс. То есть когда надо снять напряжение в обществе, произвести быстрое и эффективное впечатление, а сделать это не составляет большого труда. Что-то покрасить, поменять, обустроить, озеленить. Но этот «пиар» дает очень мощный эффект, потому что на него отзывается очень большой слой населения — молодежь. Молодежь — это наше будущее, и она формирует климат. От нее зависит многое в пространстве интернета, в информации. Но большой город — всегда перенапряженный организм, быстрота и легкость решений бывает опасна, город требует преемственности и очень большой концентрации опыта. Архитектор и урбанист — профессии, в которых надо жить долго и думать основательно.

Мы отвлеклись на возраст архитекторов. Я продолжу мысль про изменения в городе. Изменение отношения к общественным пространствам — это только первый шаг на пути понимания простой истины, что город строится и существует для людей. И город — это то место, где многократно суммируются и проявляются все недостатки и изъяны нашего жизнеустройства.

«Я ВСЕГДА БЫЛ АНТИЛУЖКОВСКИМ АРХИТЕКТОРОМ»

— Есть такой термин «лужковская Москва», а появилась ли сегодня «собянинская Москва»?

— «Лужковская Москва» — это Москва бурного роста, Москва периода начального капитализма, Москва колоссальных инвестиций. Этот период похож на юношескую гиперсексуальность, не важно с кем и как, важно, сколько. Ну, это и было важно для огромного количества новоиспеченных капиталистов. Понятно, конечно, что Москва не была готова к такому буму. Оказалось вдруг, что все люди разные, и все понимают по-разному и видят по-другому. Одни уже сформировали принципы жизни и работы и не подчинились сильному течению потока безвкусицы. И скромно трудились вопреки «генеральной линии», привнося в городские пространства эстетику европейского модернизма и минимализма, замешанного на цивилизованном отношении к историческому наследию. Они вовсе не всегда были скромны, в том смысле, что иногда они позволяли себе довольно яркие пластические высказывания. Но градостроительная этика, точность и уместность этих работ поставили этих авторов в один ряд с лучшими европейскими архитекторами этого периода. И таких архитекторов никогда и нигде не бывает много.

К сожалению, в пластическом искусстве и архитектуре Юрий Михайлович был человеком весьма недалеким и являлся носителем плохого вкуса. При этом многие знали его как человека технически очень изобретательного, знающего и любящего город. Но вот в архитектуре его вкус сыграл какую-то роковую роль. Он любил старину, но не любил старое и ветхое. Как хозяин любил порядок. А старое все кривое и неопрятное. Много хлопот. Он любил эклектику, но какую-то свою. Его эклектика — это стиль, сочетающий в себе любые цитаты, любой декор, лишь бы его было больше и здание выглядело богаче. Чем-то напоминало только что разрушенное, но ровное, новое и крепкое. Все современное не любил, не терпел, называл «плоскомордым». Ну, почти, как Хрущев.

Я никогда не считался лужковским архитектором, напротив, всегда был антилужковским. Но мои первые серьезные профессиональные успехи связаны, как и у многих моих коллег, именно с этим периодом. И важно, что для архитектуры и строительства это, безусловно, был период развития.

Что происходит сейчас? Происходят очевидные перемены, видна большая работа и значительные усилия, но судить об их качестве, грамотности и успехе можно только по результатам, а они будут не сразу.

Смена городской команды управления архитектурной деятельностью не оказала пока никакого заметного влияния на мою работу. Так сложились обстоятельства, что у меня сейчас много долгоиграющих проектов, история которых началась задолго до смены городской власти, которые продолжаются и будут продолжаться еще довольно долго. В Москве, в России, за рубежом. Я как работал в своем ключе, формате, стилистике, так и продолжаю.

Одно из очевидных различий — отсутствие сегодня стилистического давления. При Лужкове оно было. При нем была когорта девелоперов и архитекторов, которым отдавались самые привлекательные куски города. Но за это приходилось платить стилеугодничеством.

Странно, что, несмотря на появление молодых управленцев, среди которых — главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов, по-прежнему продолжается трансляция традиционной для советской страны искаженной и политически ангажированной структуры управления творческими процессами. По-прежнему происходит концентрация власти, и мне кажется, что это неправильно. Всеми творческими процессами управлять в этой ситуации крайне неэффективно. Самое важное, что нужно сделать, — убрать централизацию. Необходимо создать систему реально работающих регламентов и конкурсов. В последнем я поддерживаю Сергея, но ему надо перестать председательствовать во всех жюри. Акцент надо делать на подготовке жюри — это важнее. При правильной организации это позволит нам избежать ошибок и вкусовых давлений. В России уже стало традицией навязывание вкуса, и это неправильно. Творчество — достаточно тонкая вещь. И когда один художник советует другому художнику, это смешно и грустно одновременно. Нужна более серьезная подготовка территорий под проект. Нужны территориальные мастерские, которые готовят регламенты для территорий, когда проговаривается типология, функция, высотные параметры, плотность. Это все крайне важно. В ситуации, когда все правильно подготовлено, проведены честные конкурсы, не нужны никакие архитектурные советы. Хорошо, когда нет лоббирования участников конкурсов. Все художники считают себя личностями, и выборочные приглашения все переживают очень болезненно. Не нужны конкурсы портфолио, нужны открытые конкурсы. Мы участвуем во всех конкурсах, в которые нас приглашают, а также подаем заявки в те, которые нам интересны. В некоторые из них мы не попадаем, по портфолио. Был конкурс, например, на большой финансово-деловой центр. У нас нет в портфолио больших реализованных деловых комплексов, и получается, что мы уже в конкурс не проходим. Это же глупо. Каждое большое профессиональное бюро рано или поздно берется за новую типологию. Еще не прошли по конкурсу портфолио на реконструкцию территории завода «Серп и молот», якобы у нас нет опыта реконструкции таких территорий. А как же Садовые Кварталы — территория завода «Каучук»? В лучшем случае это нелепый формализм. В худшем — чье-то давление или интересы. Жаль, потому что у нас были очень интересные идеи.

По мнению Сергея Скуратова, надо перестать строить здания, которые говорят только о том, что в этом городе много денег и богатых людей, надо реально развивать город в интересах всего общества

«СПАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ — ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА МАССОВОГО ЖИЛЬЯ»

— Кстати, а вы общались с Маратом Хуснуллиным, который пришел на смену Владимиру Ресину? Какие впечатления?

— Мы довольно много с ним общались. Например, когда обсуждали назначение главного архитектора. Несколько раз общался с ним на профессиональных событиях, на круглых столах и в дискуссиях — в Доме архитектора и на телевидении. Я с ним никогда не работал, поэтому могу говорить только о своих впечатлениях. Человек он яркий, энергичный, убежденный, жесткий. Мне показалось, что у него очень мало сомнений. Мне кажется, что для должности, которую он занимает, сомнения просто необходимы. Понятно желание и необходимость действовать, но опасность волевых перегибов всегда существует, потому что проблема, которой он сейчас серьезно занимается, — развитие города и в первую очередь его транспортной инфраструктуры требует очень большого количества вдумчивых решений, консультаций. Сомнения — это вообще важная вещь для любого человека. Не надо их просто прогонять. Они позволяют совершить правильный поступок и избежать множества ошибок.

— Возвратимся к теме градостроительства, на ваш взгляд, какие перспективы развития российских «спальников»? И как должно выглядеть современное городское пространство для жизни? Ваш рецепт идеального города?

— «Спальники» — этот градостроительный феномен, характеризующий определенный этап развития городов, начало которому было положено в 50-х годах прошлого века. Этот этап пока не закончился. Спальные районы — впервые в отечественной истории решение проблемы строительства массового жилья. Архитекторы уже решали проблемы «народной» архитектуры, но это были клубы и дома нового быта. Поселки и города для рабочих, конечно, строились, но это был совсем другой — очень низкий уровень.

Массовое жилье — это большая и серьезная проблема, которую человечество пытается решить. Было много идей, и в результате количество, которое необходимо было построить, убило качество. Стандартизация и унификация — важные находки на пути к решению проблемы. Это очень хорошее изобретение, но опасное. Стандартное в таком количестве само себя уничтожает, новые города во всем мире становятся похожими друг на друга из-за того, что все архитекторы думают в одном направлении. Массовая архитектура становится глобальной и одинаковой.

Проблемы, которые существуют в спальнях районах Москвы и Парижа — во многом схожи. Это и проблемы больших пространств, и проблемы удаленности от центра, и проблемы обезличенности. Самое интересное, что люди, которые это все реализовывали, строили, проектировали, были абсолютно убеждены, что такая социализация пространств — это гуманизм. Вспомните фильмы 1960-х годов: про стройки, грязь. Но люди всегда радовались, потому что у них появлялась своя собственная квартира.

Основная проблема всех спальных районов в том, что когда ты выходишь на улицу, или даже в подъезд — это уже ничье. Люди не могут договориться даже о том, как совместно эксплуатировать подъезд. Не работают экономические механизмы, а уговорами и призывами дело не решить.

Что нужно сделать с новыми районами? Надо все эти территории разделить на внутривороневые территории и те, что принадлежат городу, на которых можно что-то еще сделать, построить. Надо четко провести границу, и тогда будет понятно, кому принадлежит дом, двор, как обеспечить безопасность. А остающиеся открытыми территории надо отдать городу, чтобы построить там культурные центры и спортивные сооружения. Еще одна немаловажная проблема спальных районов — нечеловеческий масштаб пространств. Высокие здания, одинаковая архитектура, где трудно сказать: «Это мое. Я этим горжусь». Есть несомненное качество — много воздуха, много зелени, но других качеств нет. Нужно создать такое качество жилья, которое бы люди полюбили. Мы любим то, что нам дорого. А полюбят тогда, когда вложат в это время и труд, либо эквивалент времени и труда — деньги. Очень много людей в этой стране, которые говорят: «Мы очень много поработали, много чего сделали. И хотим получить за свои собственные деньги уровень комфорта и культуры, который соответствует нашим представлениям. Постройте нам, создайте условия, мы готовы заплатить за это».

— Какие новые тренды есть в градостроительстве? И на что вы посоветуете обратить внимание девелоперам?

— Новый тренд — это человек. Надо просто изменить целеполагание. Надо перестать строить здания, которые говорят только о том, что в этом городе много денег и богатых людей. Надо перестать заниматься хвастовством, пиаром, надо реально развивать город в интересах всего общества. Тогда это даст мощнейший экономический и человеческий рост. Люди захотят жить в городе и смогут в нем с удовольствием работать.

Надо развивать общественные пространства. Это как в Париже. Там ты гуляешь по городу, и видишь, что город — для людей. Тысячи кафе, ресторанов, музеев. Там даже полицию не увидишь, пока что-то не случится.

Сейчас такое время, когда можно получать любую информацию, находясь у себя в офисе или в квартире. В интернете можно увидеть и прочесть очень многое, а архитектору важно очень много смотреть, потому что наша профессия визуальная. В идеале девелопер должен многое знать, уметь анализировать и сравнивать, много путешествовать, чтобы увидеть, как живут люди в разных странах. Это глобальная профессия: то, что происходит в мире, отражается в вашем городе. Надо чаще устраивать конкурсы, в которых наряду с международными специалистами участвовали бы ваши местные архитекторы, хотя бы для того, чтобы научиться побеждать. А если местный архитектор победит в честном соревновании, он должен чувствовать поддержку и иметь возможность реализовать свои идеи.

— Спасибо за интересную беседу!

— Мне хочется пожелать вашей республике, городу и всем нам удачи в новом году! И больше хорошей архитектуры и большое спасибо за теплый прием!

Арслан Минвалеев, Эльвира Вильданова

Справка

Сергей Скуратов (1955 год, Москва) — российский архитектор. Президент компании «Сергей Скуратов Architects». Член правления союза московских архитекторов. Профессор Международной академии архитектуры. Лауреат многочисленных российских и международных конкурсов и смотров. Почетный строитель города Москвы.

Скуратов родился в 1955 году в Москве в семье военного летчика. С 1963 по 1973 год учился в средней школе, параллельно с 1967 по 1973 год Скуратов учился в художественной школе Краснопресненского района. В 1973 году Скуратов поступил

в Московский архитектурный институт, где учился на факультете жилищного и общественного строительства. В 1979 году получил диплом.

1979 - 1982 — архитектор в ЦНИИЭП им. Мезенцева в мастерской **Марка Бубнова**.

1982 - 1986 — художник в КДОИ (комбинат декоративно-оформительского искусства), КМДИ (комбинат монументально-декоративного искусства).

1986 - 1988 — руководитель группы архитекторов в ЦНИИЭП им. Мезенцева в бригаде А. Ларина.

1988 — вступает в союз архитекторов.

1988 - 1990 — главный архитектор проектов в архитектурно-художественном бюро «ПРОЕКТ». Руководитель Е. Пожарский.

1990 - 1995 — главный архитектор проектов в СП МДК «АРКСИМЪ» с Лариным, Гришиным, Пожарским.

1995 - 2002 — главный архитектор проектов компании «Сергей Киселев и Партнеры».

1999 — почетный строитель города Москвы.

С 2002 года — президент компании «Сергей Скуратов Architects».

С 2003 года — профессор Международной академии архитектуры.